

Анатолий Михайлов

академик, выдающийся белорусский ученый и философ, работающий в области феноменологии, герменевтики и философии образования. В 1966 году получил степень доктора философии в Йенском университете им. Фридриха Шиллера. Является членом Европейской академии наук и искусств, а также Национальной академии наук Беларуси. Инициатор создания ЕГУ и его первый Ректор с 1992 по 2014 год.

Фото Mindaugas Mikulėnas

Европейское наследие как источник кризиса и как надежда

Анатолий Михайлов

European Heritage as a Source of Crisis and as a Hope

The article of the founder of European Humanities University, Academic Anatoli Mikhailau, is dedicated to the problem of our responsibility in the face of the newest European crisis. While academics are multiplying the explanation theories, the European Humanities University is still challenged by the need to prepare a new generation capable of saving Europe. Cultural heritage and European intellectual tradition are a source of the problem and simultaneously a lifeline. Its use is in our hands.

Еще не так давно, не многим более двух десятилетий назад, мир встречал новый XXI век, ознаменовавший наступление третьего тысячелетия. Ожидания, вызванные приближением такой знаковой даты, были связаны на европейском континенте со стремлением преодолеть трагический опыт XX столетия, оплаченный десятками миллионов невинных человеческих жизней.

И следует отметить, что основания для этих ожиданий выглядели более чем достаточными. Позади осталась холодная война, на протяжении многих лет сопровождавшаяся рискованной конфронтацией двух мировых систем; произошло объединение Германии; разрушились вековые скрепы колониализма; на руинах распавшегося Советского Союза во вновь образованных государствах возникли ожидания позитивных социальных преобразований. Впечатляющие технологические достижения внушали уверенность в том, что мир находится на пороге нового этапа своего прогрессивного развития...

Прошло всего два десятилетия – исторически незначительный срок, и мы с сожалением вынуждены признать очередную утопичность наших надежд. Слово «кризис» в последнее время становится все более привычным для обозначения происходящего в мире: экологический кризис, кризисные явления в современных международных отношениях, финансовый и экономический кризис, кризис демократии, тревожный рост экстремизма и возрождение авторитаризма, кризис системы здравоохранения, кризис традиционных ценностей, кризис образования... Стоит ли говорить, что все это находится в разительном контрасте с недавними ожиданиями? Можно ли было представить в последней четверти XX века появление резонансных книг с такими апокалиптическими названиями как, например, *Конец Запада Дэвида Марканда* [1] или *Странная смерть Европы Дугласа Мюррея* [2]?

Как бы ни было прискорбно, приходится признать, что европейский континент с его более чем двух с половиной тысячелетней традицией сталкивается в наши дни с невиданными до сих пор глобальными вызовами, по отношению к которым наше мышление и основанные на нем прежние способы взаимодействия с этим миром уже не работают.

Но столь ли неожиданно происходящее в наше время на европейском континенте и в мире в целом?

В 1919 году Поль Валери публикует по следам недавно закончившейся разрушительной Первой мировой войны полный драматизма документ под названием *Кризис духа: «Мы, цивилизации, – теперь мы знаем, что мы смертны. Мы слыхали рассказы о лицах, бесследно исчезнувших, об империях, пошедших ко дну со всем своим человечеством и техникой, опустившихся в непроницаемую глубь столетий, со своими божествами и законами, со своими академиями и науками, чистыми и прикладными, со своими грамматиками, своими словарями, своими классиками,*

своими романтиками и символистами, своими критиками и критиками критиков... Мы различали сквозь толщу истории призраки огромных судов, осевших под грузом богатств и ума... Но эти крушения, в сущности, нас не задевали.

Элам, Ниневия, Вавилон были прекрасными именами, и полный распад их миров был для нас столь же мало значим, как и само их существование. Но Франция, Англия, Россия... Это тоже можно бы счесть прекрасными именами... И вот ныне мы видим, что бездна истории достаточно вместительна для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь» [3, 105]. *«Необычайный трепет, – продолжает Валери, – пробежал по мозгу Европы. Всеми своими мыслительными узлами она почувствовала, что уже не узнает себя более, что перестала на себя походить, что ей грозит потеря самосознания. Того самосознания, которое было приобретено веками выстраданных злосчастий, тысячами людей первейшей значимости, обстоятельствами географическими, этническими, историческими, каковых не исчислить»* [3, 106].

Ответы европейского духа на эти кризисные явления, как полагает поэт и мыслитель, не были адекватны вызовам: «В том же умственном разброде, под давлением того же страха цивилизованная Европа увидела быстрое возрождение бесчисленных обликов своей мысли: догм, философий, противоречивых идеалов, трех сотен способов объяснить мир, тысячи и одного оттенков христианства, двух дюжин позитивизмов – весь спектр интеллектуального света раскинулся своими несовместимыми цветами, озаряя странным и противоречивым лучом агонию европейской души» [3, 107].

С этим анализом кризисного состояния века были созвучны и идеи Освальда Шпенглера, который в своей книге *Закат Европы* (1922) (более уместный перевод названия «*Der Untergang des Abendlandes*» – «Упадок

Рене Магритт
«Репродуцирование
запрещено»
1937

или закат Западной цивилизации») подводит итоги развития всего происходившего на европейском континенте, начиная с эпохи Античности. По мнению Шпенглера, мы имеем дело с истощением и измельчением культуры, некогда представлявшей собой систему жизненных ориентаций европейского человека.

Речь не просто о констатации процесса, симптомы которого были предвосхищены еще в XIX веке, постепенно приходившем к осознанию иллюзорности социальных идеалов эпохи Просвещения и по сей день в существенной мере определяющих характер нашего мышления. Попытки обозначить шаткость фундаментальных принципов этого мышления, которое во все большей степени проявляло свою несостоятельность по отношению к реальности, были обозначены в различных течениях европейского романтизма, а позднее в трудах Шопенгауэра, Кьеркегора, Ницше, Бергсона и Дильтея. Они приняли особенно радикальные формы в литературе, поэзии, музыке и живописи. Достаточно вспомнить имена Эдгара По, Бодлера, Малларме, Достоевского, Вагнера, Ван Гога и многих других – тех, кто, как правило, не воспринимается в качестве наделенных правом выступать от имени «знания».

Осмысление кризиса нашло отражение и в рамках диалога западной и русской традиций культуры в то время, когда между ними еще существовало продуктивное взаимодействие, то взаимодействие, которое в XIX веке казалось способным заложить основы для столь необходимого европейскому континенту духа продуктивного сотрудничества.

Так, например, Д. Мережковский начинает свою статью с примечательным названием Грядущий хам (1906) с цитаты А. Герцена из его сборника Концы и начала: «Мещанство победит и должно победить. Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство – окончательная форма западной цивилизации». «Трудно

заподозрить Герцена в нелюбви к Европе, – отмечает Мережковский. – Ведь это именно один из тех русских людей, у которых, по выражению Достоевского, «две родины: наша Русь и Европа». Может быть, он и сам не знал, кого любит больше – Россию или Европу» [4, 350]. При этом Герцен продолжает свою мысль, ссылаясь на «одного из благороднейших представителей европейской культуры, на одного из ее «рыцарей без страха и упрека», на Дж. Ст. Милля: «Мещанство – это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (*conglomerated mediocrity*) Ст. Милля, которая всем владеет. Толпа без невежества, но и без образования... Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает; с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паусной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты... Он вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния». Мережковский отмечает, что Герцен соглашается с Миллем: «Если в Европе не произойдет какой-нибудь неожиданный переворот, который возродит человеческую личность и даст ей силу победить мещанство, то, несмотря на свои благородные antecedенты и свое христианство, Европа сделается Китаем» [4, 351].

Мы хорошо знаем, что кризисные этапы всегда сопутствуют развитию общества. Однако существуют кризисы особого масштаба. В европейской истории можно выделить несколько событий, радикально изменивших облик континента. Это распад греческого полиса, крушение Римской империи, радикальные преобразования в сфере христианства и становление эпохи Просвещения.

При этом всякий раз кризису сопутствовала трансформация фундаментальных устано-

вок европейского человека, находивших выражение в определяющих жизнеобразующих принципах. «Античная жизнь была космоцентрична, средневековая – теоцентрична, жизнь Нового времени – антропоцентрична», – отмечает по этому поводу Хосе Ортега-и-Гассет [5, 385].

По мнению Ортега-и-Гассета, одним из самых драматичных для Европы был XV век: «Самый сложный и загадочный из всей европейской истории вплоть до наших дней... век исторического кризиса, единственного кризиса в полном смысле слова, какой только переживали народы Запада», более катастрофического, чем тот, в котором погибла античная культура [5, 377].

Ортега-и-Гассет описывает этот век как век утраты человеком почвы под ногами: «Человек XV века заблудился в самом себе, то есть он выпал из одной системы верований и пока не утвердился в другой» [5, 378]. Именно в этом он усматривает его сходство с кризисом, переживаемым современным миром.

Эпоха кризиса всегда характеризуется двойственностью: с одной стороны, цепкостью прежнего образа жизни и его представлений, а с другой – прорастанием элементов новой жизни, которые дестабилизируют истощившую себя прежнюю.

«Одним из величайших несчастий нашего времени, с которым сталкиваются народы Запада, – отмечает Ортега-и-Гассет, – является то, что по отношению к конфликтам они оказываются вооруженными совершенно устаревшим набором понятий по поводу того, что такое общество, индивид, обычаи, право, справедливость, революция и т. п. Известная доля дезориентации нашего времени коренится в диспропорции между совершенством наших представлений по поводу физических феноменов и скандальной отсталостью «наук о морали». Большая часть наших государственных деятелей, профессоров, уважаемых

физиков и писателей имеют представление об этих понятиях, сопоставимое с представлениями провинциального парикмахера» [6, 50–51].

Испанский мыслитель видит «главную трагедию цивилизации» в «разрыве между уровнем современных проблем и уровнем мышления», предсказывая, что этот разрыв будет расти. «На сегодня крах терпит сам человек, уже неспособный поспевать за своей цивилизацией». Его поражает, что «люди вполне культурные», приступают «к политическим и социальным вопросам... с таким набором допотопных понятий, какой годился в дело двести лет назад для смягчения трудностей в двести раз легче» [7, 329].

Гуманитарное образование
перед лицом вызовов

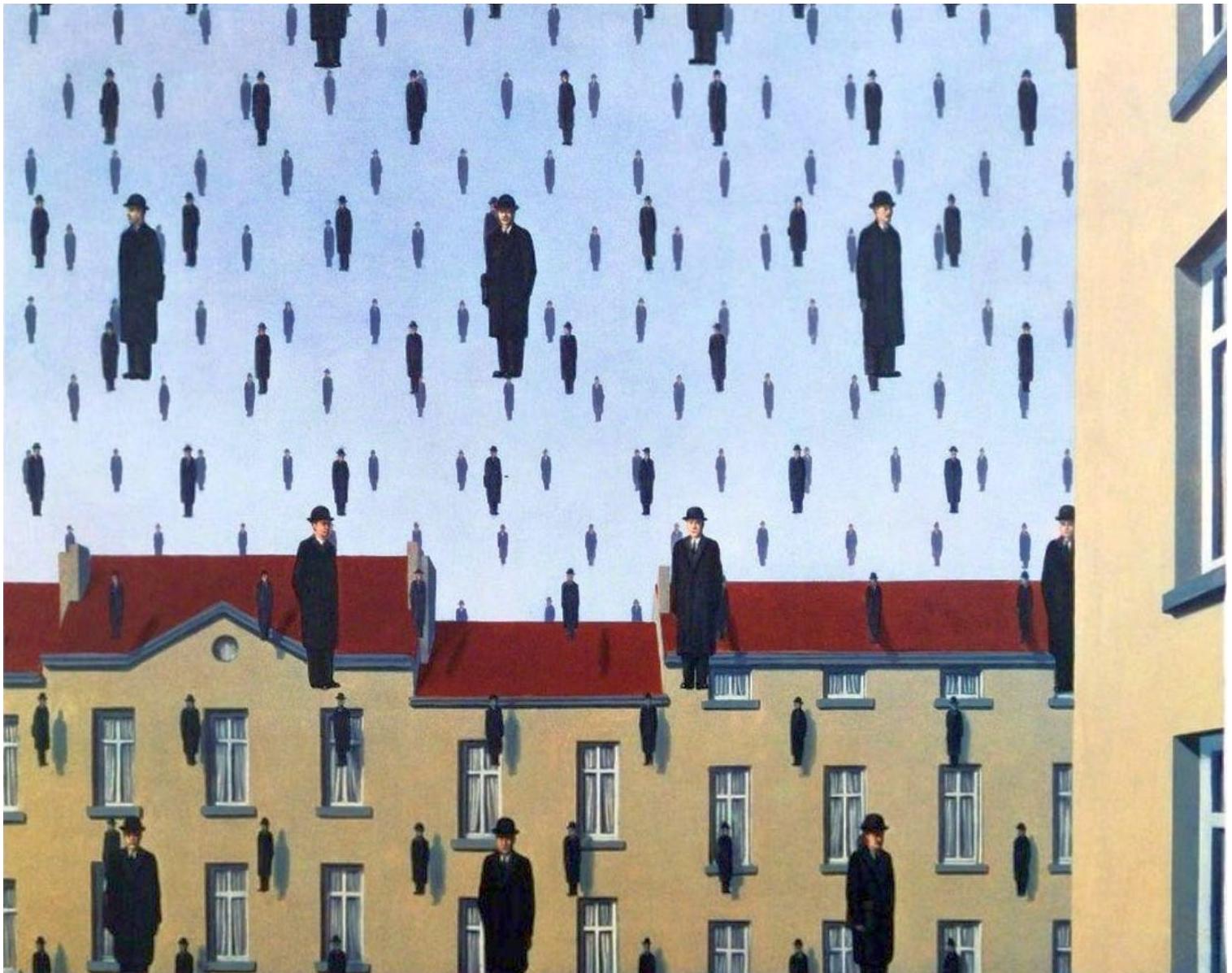
В этой непростой ситуации возникает вопрос: как быть нам, осознающим, что сама природа нашего существования в мире не представляет собой неизменную субстанцию и не является вневременной, независимой от конкретных исторических обстоятельств? Наоборот, она являет собой неизбежный удел быть «наследниками» (Ортега-и-Гассет), и тем самым осуществить столь насущное для нас приобщение к традиции. Этот вопрос представляет отнюдь не чисто академический интерес, он – необходимое условие нашего собственного становления, «формирования человеческого в человеке». Для нас, «заброшенных» в этот мир (М. Хайдеггер), особенно находящихся в регионе, который только подступает к проблеме осмысления содержания традиции, при этом в обстоятельствах, значительно менее благоприятных, чем это имеет место там, где она существует на протяжении многих столетий, этот вопрос имеет форму экзистенциального вызова. В связи с этим возникает следующий

вопрос: *что* в этой традиции способствует ее нынешнему кризисному состоянию, а *что* в рамках насущного переосмысления может быть возрождено и содействовать ее выживанию?

Этот вопрос приобретает особую актуальность для гуманитарного образования, в очередной раз сталкивающегося с серьезнейшими вызовами. Образования, которое все еще слишком часто предпочитает трансляцию готового и фиксированного «знания». На серьезную опасность абстрактного приобщения к традиции обращал внимание еще Ницше в своем эссе О пользе и вреде истории для жизни. «Современный человек, – пишет он, – вынужден под конец всюду таскать с собой невероятное количество неудобоваримых камней знаний... Знание, поглощаемое в избытке не для утоления голода и даже сверх потребности, перестает действовать в качестве мотива, преобразующего и побуждающего проявиться вовне, и остается скрытым в недрах некоего хаотического внутреннего мира, который современный человек со странной гордостью считает свойственной ему лично «духовностью» [8, 180]. Такое знание, по его мнению, не является «живым». Оно «не может вовсе считаться настоящей культурой, и не претворяется в культуру-решимость», не реализует себя в поступке, является «не более как безразличной условностью, жалким подражанием или даже грубой гримасой». Ницше обращает внимание на то, что доминирующее абстрактное приобщение к культуре лежит в основании тщательно скрываемой тайны современного образования, благодаря которому «мы нагружаем и перегружаем себя чужими эпохами, нравами, искусствами, философскими учениями, религиями, знаниями, ... становимся ходячими энциклопедиями» [8, 181].

Это то безжизненное «знание», о котором так хорошо писал М. Гершензон в пись-

Рене Магритт
«Голконда»
1953

ме В. Иванову более ста лет назад: «Я знаю слишком много, и этот груз меня тяготит. Это знание не я добыл в живом опыте; оно общее и чужое, от пращуров и предков; оно соблазном доказательности проникло в мой ум и наполнило его. И потому, что оно общее, сверхлично-доказанное, его бесспорность леденит мне душу. Несметные знания, как миллионы неразрываемых нитей, опутали меня кругом, все безликие, все непреложные, неизбежные до ужаса. И на что они мне? Огромное большинство их мне вовсе не нужно. В любви и страдании мне их не надо, не ими я в роковых ошибках и нечаянных достижениях медленно постигаю мое назначение, и в смертный час я конечно не вспомню о них. Но, как мусор, они засоряют мой ум, они тут во всякий миг жизни и пыльной завесой стоят между мною и моей радостью, моей болью, каждым моим помыслом. От этого несметного безличного знания, от усвоенных памятью бесчисленных умозрений, истин, гипотез, правил мышления и нравственных законов, от всего этого груза накопленных умственных богатств, которыми каждый из нас нагружен, – то изнеможение, которое снедает нас» [9, 16].

Передо мной сборник статей выдающегося австрийского писателя Элиаса Канетти, автора широко известной книги *Масса и власть*. Название этого сборника – *DAS GEWISSEN DER WORTE* имеет символическую значимость для нашего тревожного времени. В сборнике, наряду с другими весьма интересными статьями, мое внимание привлекло мюнхенское выступление автора в январе 1976 года – «Призвание поэта». В нем Канетти проясняет смысл названия сборника, приводя в пример высказывание некоего неизвестного автора, датированное 23 августа 1939 года, за неделю до начала Второй мировой войны: «Однако теперь уже поздно. Если бы я был настоящим поэтом, я должен был бы быть в состоянии предотвратить войну» [10, 274].

Канетти отмечает, что первоначально эти слова его смутили не только непомерным бременем ответственности, но и тем, что, как ему казалось, такая задача вообще не имеет ничего общего с поэтическим творчеством. С течением времени, однако, к нему постепенно пришло понимание подлинного смысла высказывания. Его автор предъявляет обвинение самому себе по поводу угрожающего развития событий на европейском континенте, к которому он, казалось бы, менее всего причастен. В противовес громкой политической трескотне (*Großsprecherei*), предшествовавшей и способствовавшей катастрофе, он признается, что не сумел найти нужные слова, которые смогли бы ее предотвратить. Это означает, что если массированное злоупотребление словами предшествовало и способствовало возникновению войны, то должны были быть найдены и слова для ее предотвращения. На примере творчества поэта, отношение которого к слову всегда является особенно трепетным, Канетти обращает внимание на то, что нам необходимо возродить отношение к словам с предельным чувством проявления совести (*das Gewissen*) по отношению к их использованию.

На эту же проблему утраты ответственности по отношению к Слову обращает внимание и Сергей Булгаков в книге *Философия имени*: «Опасность пустословия и легкословия существует для нас в познании, в высказывании; опасность заблуждения – в соединении слов и мыслей. И та, и другая опасность, точнее, болезнь речи и мысли, в данном состоянии человека совершенно неизлечимая, должна быть понята в онтологических своих условиях...» [11, 126].

В связи с этим возникает вопрос: возможно ли в наши дни обращаться к осмыслению того, что мы называем «европейским наследием», посредством простого распространения и умножения всего существующего в его

застывших понятийных формах, пребывая при этом в состоянии безмятежной уверенности в существовании теории, на которую мы можем полагаться, предпочитая игнорировать происходящее вокруг?

Разумеется, осознание глубины и параметров нынешнего кризиса не должно являться поводом для очередных сетований и усугубления настроений отчаяния. Нам не избежать признания, что кризис есть то, что должно побуждать нас к мобилизации сил для его преодоления, ибо там, «где возрастает опасность, возникает и надежда на спасение» (Ф. Гельдерлин). Об этом же свидетельствует и мрачное пожелание одного из героев романа Альбера Камю Чума, который в ситуации охватившего город стихийного бедствия, в ответ на вопрос «А что, по-вашему, нам нужно?» говорит: «Землетрясение, вот что! Да посылнее» [12, 131]. «Стихийное бедствие, – продолжает Камю, – и на самом деле вещь довольно обычная, но верится в него с трудом, даже когда оно обрушится на вашу голову. В мире всегда была чума, всегда была война. И однако ж, и чума, и война как правило заставляли людей врасплох» [12, 118].

В ситуации, когда оказалась утраченной прежняя система смысловых координат, определяемая христианством, а философия, бывшая некогда целостным способом обращения к жизни, превратившись в «профессорскую философию профессоров философии» (А. Шопенгауэр), распалась на отдельные мало согласуемые между собой направления и течения, большинство из которых являются «эпигонскими по своему характеру» (Х. Арендт), вызов, с которым мы сталкиваемся, заключается в наших неизбежных усилиях по восстановлению состояния человеческого

мышления, которое когда-то обозначалось как *poëisis*, и которое выражает бытие человека в мире в его целостности, вне искажения духом абстрактной рациональности, приведшей западную интеллектуальную традицию к глубокому кризису. Этот кризис все еще не в полной мере осознается и по сей день и даже усугубляется, когда с очередным энтузиазмом самоуверенное знание, все более утрачивающее свою энергию и живительную силу, переводится в его утратившем силу состоянии в цифровой режим, рискуя тем самым стать еще более безжизненным.

В этом случае ответ на задаваемый в конце прошлого века Петером Слотердайком вопрос о возможности того, проснется ли Европа [13], зависит только от наших собственных усилий.

Использованная литература

- [1] Marquand, David. *The End of the West: The Once and Future Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. 224 p.
- [2] Murray, Douglas. *The Strange Death of Europe: Immigration, Identity, Islam*. Bloomsbury Continuum, 2017. 384 p.
- [3] Валери, Поль. *Об искусстве*. Москва: Искусство, 1976. 623 с.
- [4] Мережковский Д. С. *Грядущий хам // В тихом омуте*. Москва: Советский писатель, 1991. 489 с.
- [5] Ортега-и-Гассет, Х. *Вокруг Галилея // Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды*. Москва: Весь Мир, 1997. 700 с.
- [6] Ortega y Gasset, José. *Toward a Philosophy of History*. New York: W. W. Norton and Company, 1941. 273 p.
- [7] Ортега-и-Гассет, Х. *Восстание масс*. Москва: Искусство, 1991. 588 с.
- [8] Ницше, Ф. *Сочинения в двух томах. Т. 1*. Москва: Мысль, 1990. 830 с.
- [9] Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон. *Переписка из двух углов*. Петербург: Алконост, 1921. 66 с.
- [10] Canetti, Elias. *Das Gewissen der Worte. Essays*. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2005. 288 S.
- [11] Булгаков, С. Н. *Философия имени*. Санкт-Петербург: Наука, 1998. 446 с.
- [12] Камю, А. *Посторонний. Чума. Падение. Рассказы и эссе*. Москва: Радуга, 1989. 461 с.
- [13] Sloterdijk, Peter. *Falls Europa erwacht*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994. 67 S.